

Находки у оз. Борового в Казахстане

А. Н. Бернштам

1. Условия находки и описание коллекций

В 1928 г. при каменоломных работах на гранитных сопках в Казахстане, в Щучинском районе, тогда Петропавловского округа, в 6 верстах на север от с. Щучьего и в 2 верстах от Боровского лесного техникума, в сосновом бору случайно обнаружили погребение.¹ Оно было перекрыто гранитной плитой до 4000 кг весом, длиной в 4.5 м, шириной 1.5 м и толщиной 0.7 м. Под ней оказались еще две плиты до 0.12 м толщиной. Под этими плитами в мелком щебне и крупной гальке оказался бронзовый сосуд — котел, ниже которого была обнаружена могильная яма. В ней оказался сильно разрушенный костяк, от которого более или менее сохранился череп. Около покойника обнаружены: кинжал (очевидно наконечник копья) и наконечники стрел, конские удила, большое количество серебряных и золотых изделий. Часть из них составляют пластинки с тиснением, большая часть представляет собой украшения в виде пластинок с инкрустацией. Кроме того, были обнаружены отдельные находки бронзовых пряжек, крупные бусы, мелкие бусы из пасты и сердолика, две серьги и тому подобные предметы украшения.

Присланные в Музей этнографии вещи для определения и издания, как уже было отмечено, состоят, главным образом, из предметов украшения. Прежде чем перейти к вопросу о датировке этих предметов, следует остановиться на описании этой замечательной коллекции.

Значительную группу предметов составляют фрагменты тонкого листового золота, украшенного характерным штампованным чешуйчатым орнаментом.

¹ Описание условий находки сделано нами по официальному отношению Акмолинского губернского музея от 21 сентября 1928 г. за № 283. Более подробное описание см.: М. Н. Леонтьевский. Памятники древней культуры в южной полосе Петропавловского округа Казахской ССР. Кокчетав, 1928, стр. 12—13. Его данные повторяют нами приводимые и имеют мелкие, впрочем несущественные, расхождения.

Рисунок чешуек — трех типов, сделанных при одной и той же технике — штампом, которым выдавливался узор с тыльной стороны пластинки (рис. 1).

Первый тип, в виде находящихся друг на друга кружков, представляет собой полное подражание чешуе рыбы. На одном фрагменте сохранился бордюр в виде вдавленного желобка, шириной 0.2 см, являющегося оттиском бордюра штампа. По отношению к нему чешуя

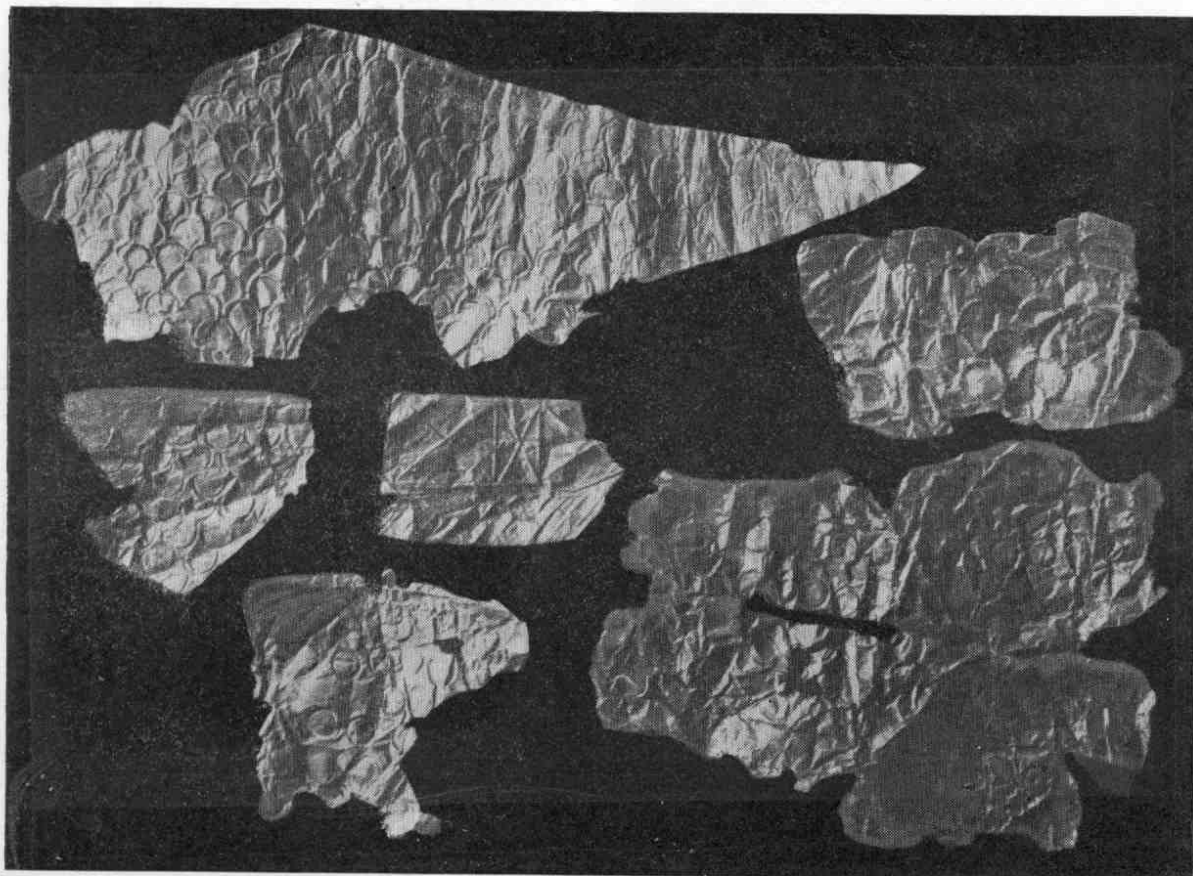

Рис. 1. Золотые пластинки с штампованным чешуйчатым орнаментом.

расположена наискось. В ряде фрагментов наблюдался ровно срезанный край, который пересекал узор. Совершенно очевидно, что вначале штамповались листки, а затем из них выкраивались куски нужной формы. Наибольшая величина фрагмента 14×5.5 см, причем на нем нет ни следов бордюра штампа, ни обреза. Очевидно, что пластинка при ее изготовлении была значительно бóльшей. Диаметр тиснений чешуйки 0.5 см, бордюр чешуйки 0.5 мм.

Разновидностью этого орнамента являются чешуйки, вдавленные с тыльной стороны точками.

Третьим типом является орнамент не в виде чешуек, а в виде свободных, не связанных между собой кружков диаметром 0.4 см, хотя и расположенных более или менее в геометрическом порядке. Наблюдаются на некоторых фрагментах комбинации всех трех описанных типов.

На одном обрывке серебряной пластинки имеется штамп геометрического рисунка в виде прямоугольников с диагоналями, под которым расположена полоса косой штриховки.

Значительное количество составляют украшения с вставками цветных камней. Эти украшения по форме распределяются на следующие группы: 1) вытянутые пластинки, возможно от диадемы, украшенные зернью и параллельными рядами цветных камней в гнездах (рис. 2); 2) такие же пластинки с большим камнем, нарушающим ряды парал-

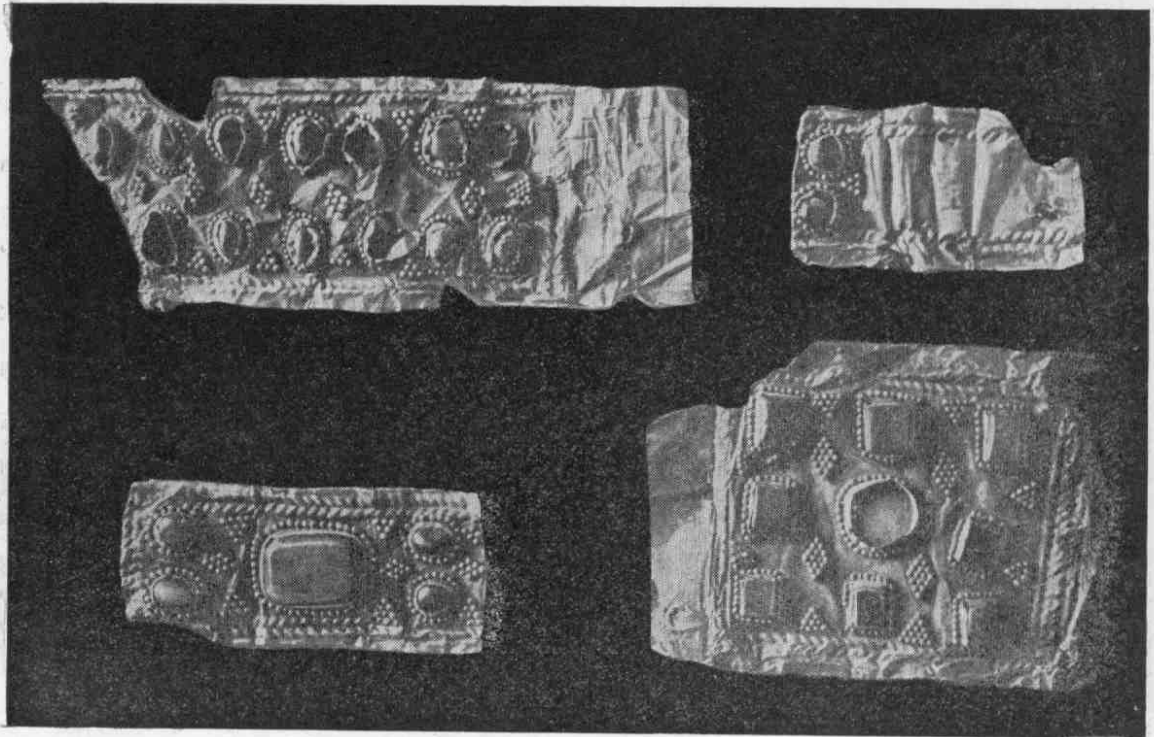

Рис. 2. Пластинки, украшенные зернью и цветными камнями.

лельных (рис. 3); 3) медальоны разных диаметров с одним камнем в центре и поясками зерни (рис. 4), причем часть из них имеет с оборотной стороны шпеньки для прикрепления к ремню; 4) полоски трапециевидной формы, иногда приближающиеся к прямоугольнику. Техника украшения та же, расположение камней и зерни концентрическое вокруг центрального большого камня. Камни, окружающие центральный, — круглые, а также в виде трилистников и прямоугольных треугольников, причем один угол вытянут в виде слезы (ср. рис. 3); 5) концевые закругленные части пряжек или заколок, богато украшенные зернью (рис. 5); 6) небольшие наконечники в виде прямоугольника, один край которого загнут валиком, украшены камнями по два и по три (ср. рис. 5); 7) обломок в виде головы птицы и пластинки с гнездами. Последние предметы имеют в качестве основы медные пластинки и украшены перегородчатой инкрустацией (рис. 6).

Отметим некоторые технические особенности этих украшений.

В группе первой листок золота штампованный. Имеется бордюр из рельефной полоски, напоминающей собой веревочку, — так называемый шнуровой орнамент. На пластинке припаяны узкой ленточкой (2.5 мм) на ребро овальные ячейки для камня. Последний вставлен в ячейку на фольговой подкладке. Основание ячейки обложено зернью; обычно

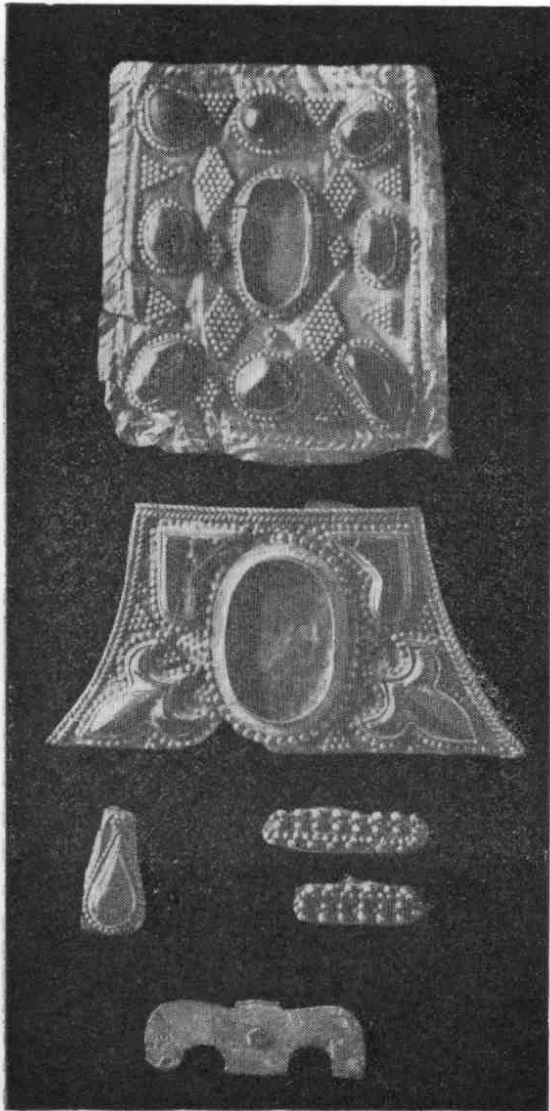

Рис. 3. Пластинки с большим камнем.

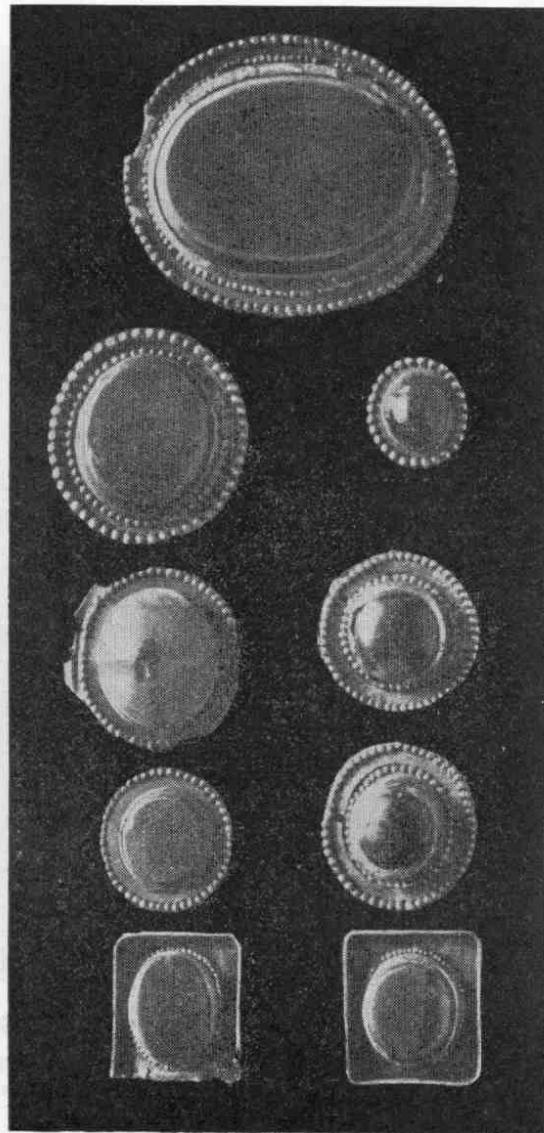

Рис. 4. Медальоны с камнем и зернью

нечетное число шариков (23, 29). Диаметр шарика зерни 0.5 мм. Более крупной зернью (до 1 мм) выложено пространство между камнями, комбинацией зерни в виде треугольников и ромбов. Камни (гранат) грубо обработаны, овальной формы. Группа вторая ничем существенно не отличается от первой, с той лишь разницей, что центральный камень обычно — сердолик.

В третьей группе камень преимущественно сердолик, особенно в крупных медальонах. В этих случаях поверхность камня плоская, края слегка граненые, стенки ячейки обжаты вокруг камня, основание ячейки отогнуто под углом и припаяно к основной площадке украше-

ния. Камень обнесен двумя concentрическими полосками зерни; внутренняя зернь мелкая, наружная по самому краю овала крупная. В мелких медальонах — гранат со сферической поверхностью. Иногда основание стенки ячейки непосредственно припаяно к площадке и укреплено пояском золотой пластинки, не дающей стенкам ячейки раздвигаться у основания.

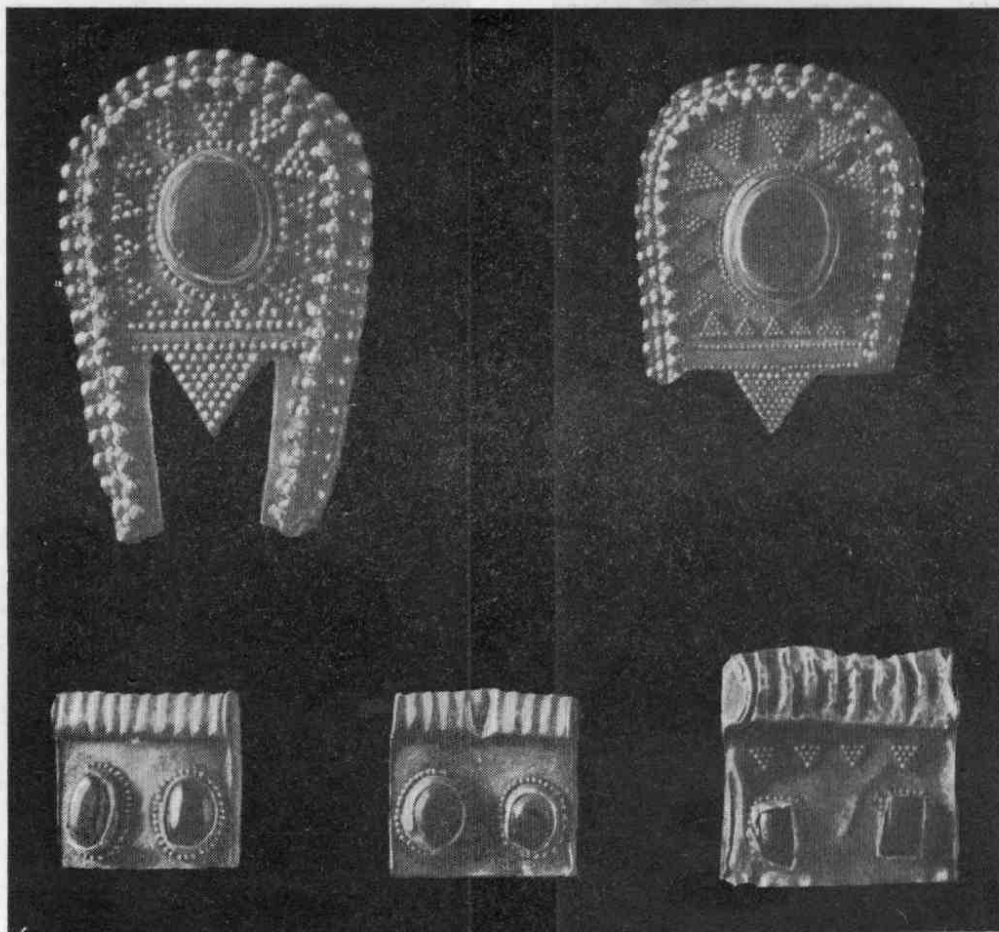

Рис. 5.

Вверху — части пряжек и заколок, украшенные зернью; внизу — наконечники, украшенные камнями.

Зачастую площадка медальона укреплена на пластинке основания путем загиба краев верхней пластинки в тыльную сторону. В таком случае на нижней пластинке укреплены шпеньки. Они пропущены сквозь нижнюю пластинку и расклепаны. Шпеньки бронзовые.

Группа четвертая не отличается особыми техническими приемами, совпадает по технике с предыдущими. Следует отметить ярко выраженный шнуровой орнамент по закраине украшения и сложную шлифовку фигурных камней — альмандина и граната.

Пятая и шестая группы технических особенностей не содержат. Следует указать, что в группе шестой полый внутри прямоугольный предмет сделан из одной пластинки золота, причем борта закреплены снаружи.

Седьмая группа отличается прежде всего тем, что здесь основу составляет медная пластинка, обложенная листовым золотом. В качестве украшения фигурирует инкрустация. Для нее приготовлены гнезда в виде прямых пластинок, радиально расходящиеся от круглого центрального гнезда. В одном случае такая комбинация создает голову птицы, причем круглый центр явно символизирует глаз рыбы. В гнездах — следы известковой массы.

Из остальных предметов в коллекции достойны внимания:

1. Массивная медная пряжка в виде прямоугольника, размером 3.8×2 см. Язычок, длиной 3.2 см, одна сторона его загнута на оси, эта сторона тоньше других сторон рамки и круглая в сечении, остальные стороны прямоугольные в сечении (рис. 7).

2. Мелкие серебряные пластинки, части пряжек.

3. Пряжка из сердолика, овальная в сечении, с поперечными поясными выступами. Место прикрепления язычка круглое в сечении, с гладкой поверхностью (рис. 8, Б).

4. Бусы сердоликовые (?) плоские, до 2 мм высотой.

5. Зеленая стеклянная буса боченкообразная, 4 мм высотой.

6. Семнадцать бипирамидальных бус из сердолика, 18 мм высотой, максимальная ширина 8 мм, отверстие сквозное до 1 мм в диаметре (рис. 8, А).

7. Набор мелких бус (32 шт.) из кости, возможно птичьих, со следами окраски в голубой цвет, цилиндрической формы, до 3 мм высотой. Среди них одна цилиндрическая мраморовидная, с прожилками бирюзового цвета.

8. Предмет неизвестного назначения в виде валика из пасты белого цвета.

9. Две золотые серьги в виде тонкой золотой проволоки, согнутой в круг, один конец которой опущен книзу спиральными витками, плотно прилегающими друг к другу (рис. 9, б).

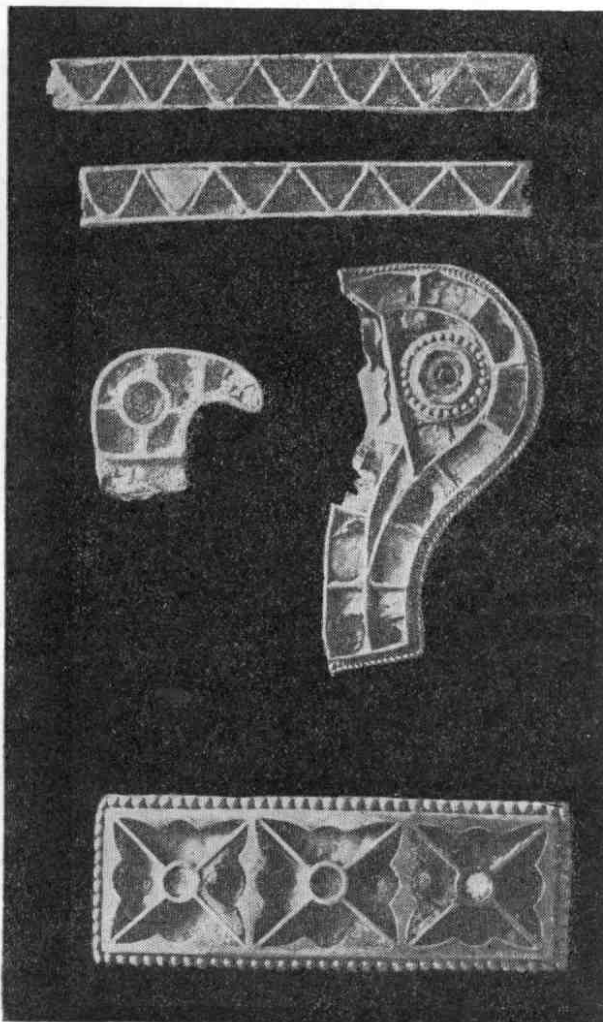

Рис. 6. Сбломки в виде головы птицы и пластинки с гнездами, украшенные перегородчатой инкрустацией.

10. Сстатки плоского в сечении наконечника железного копья (рис. 10).

11. Семь стрел, в сечении треугольных (1 см) и трехлопастных,

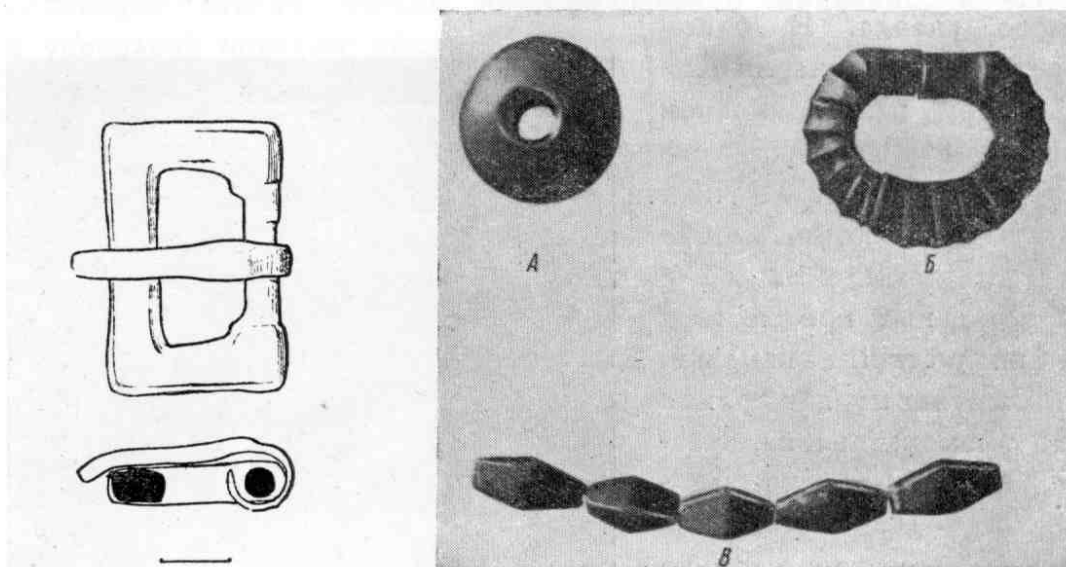

Рис. 7.
Медная пряжка.

Рис. 8.
А — пряжка из сердолика; Б — бусы из сердолика; В — каменное прясло.

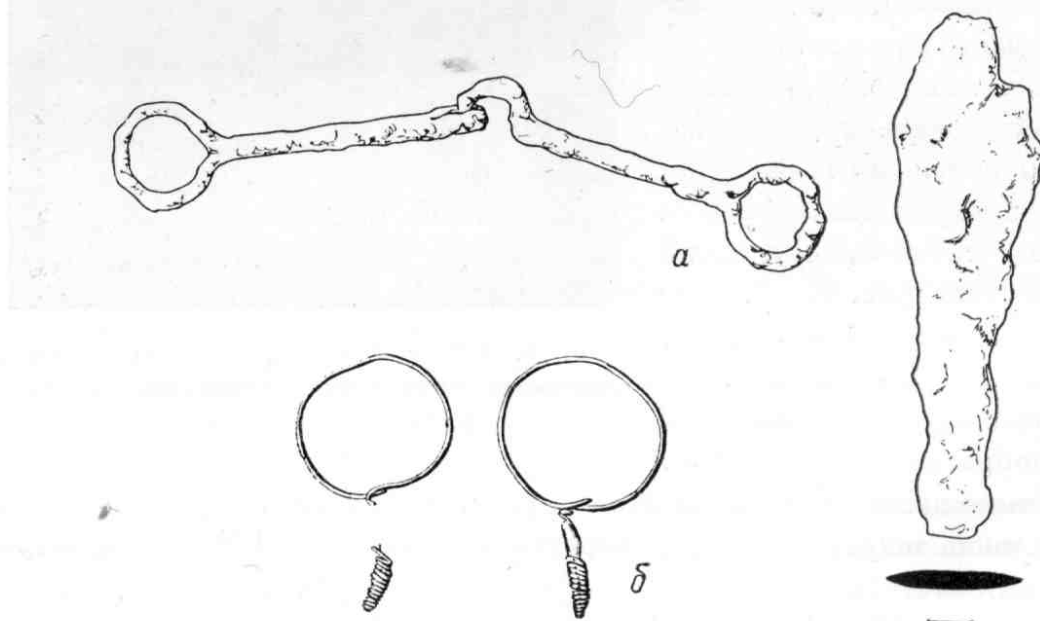

Рис. 9.
а — железные удила; б — золотые серьги.

Рис. 10. Остатки наконечника железного копья.

при максимальном размахе лопастей немногим больше 1 см, лопасти выступают на 6 мм от тела стрелы. Длина стрелы с уцелевшим черенком в первом случае 5 см, во втором 7.5 см. Черенки явно

неполные, отломанные. В одном случае стрела была ромбическая в сечении, при переходе к черенку имеется уступчик (рис. 11).

12. Железные удила, кованые (рис. 9, а).

13. Бронзовый котел „скифского“ типа (рис. 12).

2. Аналогии и вопросы датировки

Описанная коллекция представляет бесспорно большой научный интерес прежде всего по месту, где она была обнаружена. По своим характерным чертам технического порядка (зернь, инкрустация) она входит в широкий круг так называемого варварского искусства.

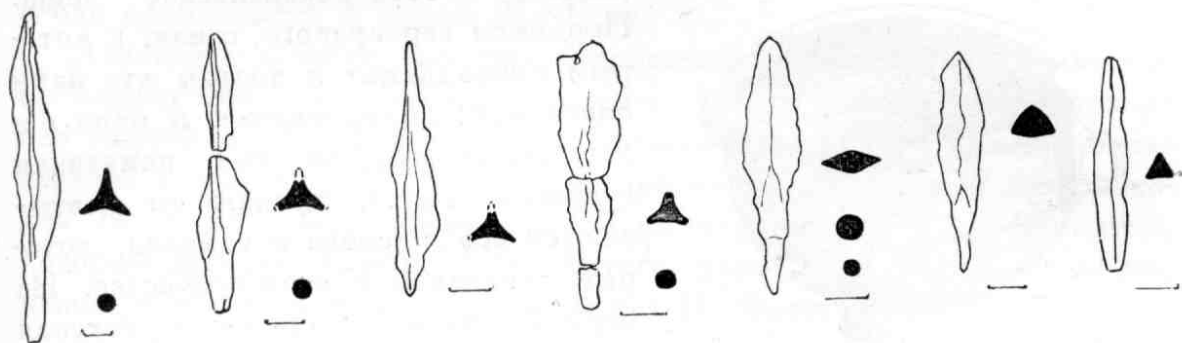

Рис. 11. Стрелы.

IV—V вв. н. э. и без всяких к тому оснований часто связывается с кругом так называемых готских памятников.¹

Этот комплекс памятников неоднократно освещался в литературе, особенно в части описательной. Большое внимание, которое уделяется такого типа предметам, объясняется тем обстоятельством, что этот технический прием, получивший свой расцвет в эпоху „великого переселения народов“, продолжал существовать весьма долго и может быть наблюден, правда с некоторыми изменениями, и на „шапке Мономаха“, и в окладе Мстиславова Евангелия, на бляхах Гнездовского могильника, в Волынском кладе, в серьгах Салтовского могильника, в предметах из Томниковского могильника, украшениях недавнего прошлого у туркмен и т. д.²

¹ Этого типа предметы описаны в работе: И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, III. Древности времен переселения народов. СПб., 1890. О безоговорочном мнении, приписывающем эти памятники готам, см. в работах: J. de Baye. Les bijoux Gothique de Kertch. Paris, 1888 (Revue archeologique).— J. de Baye. La bijouterie des Goths en Russie. Mém. Soc. nationale Antiq. France, t. LI, Paris, 1892.— J. de Baye. Note sur des bijoux Barbares en forme moche. Mém. Soc. nationale..., t. LIX, Paris, 1895. Эти безоговорочные утверждения встретили возражения еще в конце XIX в. См.: Э. фон Штерн. К вопросу о происхождении „готского стиля“ предметов ювелирного искусства Зап. Одесск. общ. истор. и древностей, т. XX (отд. отт.).

² И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, т. IV. Христианские древности Крыма, Кавказа, Киева. СПб., 1891; т. IV. Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб., 1897. См., например, технические:

Не представляет особой трудности датировка комплекса на основе аналогий как в технике изготовления этих предметов, так и в композиции украшения в целом. Находки у оз. Борового идентичны вещам IV—V вв., столь часто находимым на юге России, и представляют правда, по сравнению с ними, некие провинциальные, более примитивные черты.

Предметы этого стиля имеют весьма широкое распространение. В научной литературе были уже попытки локализовать эти отдельные группы памятников, например с перегородчатой инкрустацией.¹ В классификации А. Спицына фигурируют, главным образом, восточноевропейские и северокавказские вещи.

Рис. 12. Бронзовый котел „скифского“ типа.

Предметы варварского стиля, к которым принадлежат и только что нами описанные, объединяются в одно целое А. Альфельди как памятники гуннской эпохи, причем им учитываются все племена и влияния, которые сказались в этом искусстве. На первый план выдвигается готская культура.²

А. Альфельди склонен считать основу происхождения этой культуры западной.³ Наряду с этим, авторами

по меньшей мере, не учитываются, иногда игнорируются, а в последнее время фальсифицируются факты происхождения этой культуры и еще меньше учитываются ее возможные восточные компоненты. К этому вопросу мы еще возвратимся.

Среди вещей коллекции из Борового имеется несколько весьма характерных предметов, которые можно сопоставить с уже датированными. Наиболее ярким, пожалуй, предметом является обломок пряжки в виде головы птицы-рыбы, которую прежде всего следует сопоставить с находкой из Концешт, подробно описанной Л. А. Мацулевичем.⁴ Л. А. Мацулевич датирует находку рубежом IV—V вв. Им же указано, что этот сюжет продолжает собою предшествующую традицию, и в связи с этим приведен почти исчерпывающий материал аналогий, к которому мы хотели бы прибавить только некоторые детали

описания в ст.: А. Спицын. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб. 1904; Изв. Археолог. комитета, 1905, вып. 17.

¹ А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. СПб., 1903; см.: Зап. Росс. археолог. общ., т. V.

² А. Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Archaeologia Hungarica, IX, Budapest, 1932.

³ Там же, стр. 39 и сл.

⁴ Л. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.—Л., 1934, стр. 101.

из Пермского края, где было встречено столь много тематики птиц,¹ и из Киевской обл., где головка птицы (сокола) и птица на псалнях встречена Веселовским в курганах Журовки и Капитоновки.²

Геральдическую композицию таких птиц-рыб следует указать еще в находках на Волге.³

Л. Мацулевич указывает, что этот сюжет получил свой расцвет на Боспоре в V в.⁴ Это заставляет предполагать, что фрагмент застежки из Борового следует датировать концом IV—началом V в. К сюжету рыбы относится также и чешуйчатое золото, имитирующее верхний покров рыбы и входящее в тот же археологический комплекс, т. е. и оно принадлежит к вещам IV—V вв.

Длинные полосы золота, украшенные гранатами, являются, по нашему мнению, обшивкой диадемы. Такого типа диадема, правда без камней, но богато украшенная зернью, обнаружена при раскопках кургана в урочище Кара-агач.⁵ Датировка А. Козыревым этих находок IX в. не верна; правильное определение дано А. Шмидтом, который датирует находки V в.⁶ Кстати, украшения зернью, подобные нашим находкам тем же V в., датирует Н. Феттиш.⁷

Характерные формы имеют и сами стрелы, которые, правда, для этого периода еще не изучены, но обычно относятся к первой половине первого тысячелетия. Среди них наблюдаем и выродившуюся скифскую трехгранную стрелу и нарождающийся тип более поздней стрелы с лопастями. Черенковые стрелы находок у оз. Борового говорят уже не о маленьком луке скифов, а о тяжелом вооружении сарматской и позднесарматской конницы.

Находки у оз. Борового настолько ярки по своему общему ансамблю, что датировка их не вызывает сомнения; количество аналогий исчерпать почти невозможно, настолько они многочисленны, большинство их сведено в вышецитированных работах А. Альфельди и Л. Мацулевича.

¹ А. Шмидт. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля Сб. МАЭ, VI.

² А. Веселовский. Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитоновки [б. Чигиринского у. Киевской обл.] в 1904 г. ИАК, 1905, вып. 17, стр. 77, 78.

³ И. Синицын. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья. Изв. Саратовск. Нижне-волжск. инст. краевед. им. А. М. Горького, т. VII, 1936, стр. 78.

⁴ Л. Мацулевич, ук. соч., стр. 115—116. Мы несколько не согласны с попыткой Л. Мацулевича отвлечься от вопроса о возможном влиянии в развитии этой композиции со стороны кочевников, в частности гуннов. В такой связи не столь одиозными для нас являются утверждения тех исследователей, которые объяснили данный мотив восточным происхождением. Таковы отдельные высказывания Де Байе, Феттиша и др. О них см.: Л. Мацулевич, ук. соч., стр. 114. Несомненно, что одними миграциями проблему не разрешить, но об этом далее.

⁵ А. Козырев. Раскопка кургана в урочище Кара-агач Акмолинского уезда. Изв. Археолог. комитета, 1905, вып. 16, стр. 32.

⁶ А. Schmidt. *Kascha. Eurasia Septentrionalis Antiqua*, I, 1927.

⁷ N. Fettich. *Der Zweite Schatz von Szilagysomlyo. Archaeologia Hungarica*, VIII, Budapest, 1932; ср. стр. 58 и табл. IX, стр. 2—3.

3. К вопросу о происхождении культуры находок у оз. Борового

Весьма интересным является вопрос о происхождении этой культуры. Дело в том, что до последнего времени распространение „варварской“ культуры обычно граничило с бассейном Волги или шло немногим далее на восток. Однако следует указать, что полихромный стиль украшений начинает все более и более вскрываться на территории, лежащей значительно восточнее, чем волжский рубеж. Кроме нашей находки, мы уже упоминали о вещах, найденных в Акмолинской обл. Следует добавить еще отдельные находки этого стиля в верховьях р. Талас Киргизской ССР, обнаруженные еще в 1898 г. Г. Гейкель,¹ и наши находки в том же районе в 1938 г.² Украшение зернью на спиралевидных золотых серьгах мы обнаружили в 1938 г. в „сарматовского“ типа курганниках у оз. Бийли-куль Джамбулской обл. (Берккаринский могильник), могильники на Таласе и у оз. Бийли-куль старше находок у оз. Борового и относятся к рубежу новой эры и первым векам (I—II) н. э. Находки в верхнем Таласе дают тонкое листовое золото, украшенное зернью и сердоликом, медальоны (Гейкель), тоже на серебре с зернью и сердоликом, украшения сбруи или ремня платья (в наших раскопках). Техника изготовления абсолютно идентична вещам из Борового.³

Находки в Берккаринском могильнике у оз. Бийли-куль, в части керамики, идентичны с усуньскими погребениями в Киргизии,⁴ но имеют отличия в предметах украшения. Среди последних мы выделяем спиралевидные золотые серьги с ажурными подвесками, плетеными из тонкой проволоки и украшенные зернью. В манере украшения мы видим генезис того приема, который получает свой расцвет в искусстве гуннской эпохи. Особенности инвентаря Берккаринского могильника у оз. Бийли-куль, по сравнению с усунями, дали нам возможность отличать от усуней племенную группу, оставившую эти кладбища, и принимать последние за курганы племен канцзюй (или кангюй). Несомненно, однако, что культура этих племен автохтонна, среднеазиатского происхождения. Представляя собой локальное своеобразие культуры кочевников Средней Азии, Берккаринские курганы принадлежат к эпохе рубежа новой эры, основная часть, как и усунские, — к III—I вв. до н. э., курганы с ажур-

¹ H. Heikel. Die Alterthümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Travaux Ethnographiques, VII, Helsinki, 1918.

² Материал публикуется в трудах археологических экспедиций в Казахстане и в Киргизии в 1936 и 1938 гг. См. наш отчет: Вестн. древн. истор., 4 (9), 1933, а также: А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941.

³ Ранний прием инкрустаций см. также в диадеме из Каргалинки (Казахстан). См. нашу ст.: Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. Кратк. сообщ. ИИМК, № 5, 1940.

⁴ М. Воеводский и М. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. Вестн. древн. истор., 3(4), 1938.

ными изделиями и зернью — к I—II вв. н. э.; часть курганов относится и к более раннему времени.

Весьма интересно в связи с этим появление (Кенкольский могильник, верховья р. Талас)¹ ярко выраженных черт, во-первых, китайской культуры (китайская ткань и лак), во-вторых, развития местной культуры, т. е. наличия гнездовой инкрустации и зерни. Несомненно, что последнее явление связано с восприятием и развитием того приема, который в зачаточных формах уже был наблюден в находках Берккаринских курганов. Любопытен и антропологический тип из Кенкольского могильника. Деформированные черепа здесь представлены, главным образом, монголоидным типом и могут быть связаны с расовым типом из Восточного Туркестана, обнаруженным там А. Стейном.² Китайская культура в этом могильнике может найти себе параллели как в Лоуланьских находках А. Стейна,³ так и в гуннских могильниках Монголии.⁴ От памиро-ферганского типа, например усуньских могильников, кенкольский типаж резко отличается своими антропологическими данными и бесспорно свидетельствует о проникновении в Среднюю Азию новых, этнически отличных масс кочевников. Уже приведенных данных достаточно для того, чтобы утверждать, что Кенкольский могильник связан с проникновением в Среднюю Азию гуннов.

Проникновение гуннов на территорию Средней Азии было неоднократно, но более всего мы наблюдаем это движение в трех случаях. Первое массовое проникновение гуннов относится к середине I в. до н. э., когда Чжи-Чжи-шаньюй откочевал на р. Талас и во владениях племен кангюй обосновался станом.⁵ Второе вторжение гуннов относится к концу I в. н. э. (87—91), когда гунны, разбитые китайским полководцем Дэу-Сянем и племенами сяньби, откочевали в район Семиречья и основали владение юебань.⁶ Третье движение гуннов датируется 123 г. н. э., когда правитель области Дунь-хуан некий

¹ А. Бернштам. Кенкольский могильник. Гос. Эрмитаж, 1940.

² Keith sir Artur. Human skulls from ancient cemeteries in the Tarim Basin. Journ. Roy. Anthropol. Inst., v. LIX. Ср. статью: Е. Жиров, Кратк. сообщ. ИИМК, № 8, 1940; Ср.: Сборник Музея антропологии и этнографии, т. X.

³ A. Stein. Innermost Asia, Bd. III, tabl. XXXI и сл.; см.: F. Andrews. Ancient Chinese Figured silks excavated by sir Aurel Stein at ruined of Central Asia. The Burlington Magazine, London, 1920.

⁴ C. Trever. Excavations in the Northern Mongolei. Leningrad, 1932. Литературу вопроса и датировку памятника см.: А. Н. Бернштам. Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение. Изв. ООИ АН СССР, № 4, 1937.

⁵ Цянь-Ханьшу, гл. 70, л. 96 и сл.; ср.: J. De Groot. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Berlin—Leipzig, 1921—1926, SS. 229, 234; об этом см. нашу статью: Из истории гуннов в середине I в. до н. э. Хуханье и Чжи-Чжи-шаньюй. Сов. востоковед., № 1, 1940.

⁶ „Владение юебань расположено от Усунь на северо-запад, в 10 930 ли от Дай. Это есть аймак, прежде принадлежавший северному гуннскому шаньюю, прогнанному китайским полководцем Дэу Сянь“. См. Вэйшу, гл. 102, л. 76. Об этом см.: F. Hirth. Über Wolga-Hunnen und Hiung-uu. SWBA, 1899, T. II, Bd. II, München, 1900.

Чжан Дан докладывал, что „Хоянь — князь северных гуннов, распространившись между Пулей хай и Цинь хай, полновластно управляет Западным краем и соединенными силами производит набеги и грабительства“.¹ Несомненно, что события начала II в. н. э. связаны с движением гуннов конца I в. н. э.

В результате этих движений гуннов, они все более и более теряли связь с китайской культурой и переходили к восприятию местной, среднеазиатской. В среднеазиатской культуре кочевников того времени, как мы отметили выше на примерах Берккаринских курганов, начал развиваться новый стиль. У кушан-юечжей, большей частью живших в Средней Азии, широко развито было изготовление цветных стекол — вероятно изготовление перегородчатой эмали и инкрустация камнями. Вот что об этом говорит китайский источник: „В правление Тайву (424) жители владения юечжи, производившие торговлю в столице, объявили, что они умеют из камня плавить разные цветные стекла, добыли руду в горах и в столице произвели опыт отливания. Опыт удался, и стекло блеском своим даже превосходило стекла, привозимые из западных стран. Государь указал ввести эти стекла в тронных [залах]“.²

Таким образом, в самой Средней Азии имелись предпосылки для возникновения и развития тех приемов украшений и того же вида искусства, которое принималось как „варварское“ искусство и связывалось только с готской культурой. Явления этого искусства, наблюдаемые нами в ранних памятниках рубежа новой эры, получают свое развитие с проникновением гуннов в Среднюю Азию и достигают пышного расцвета в конце IV в., особенно в V в., в Восточной Европе, т. е. во время политического господства там гуннов. Это наблюдение, высказанное Л. Мацулевичем, дает нам основания связывать и блестящие экземпляры находок у оз. Борового с эпохой гуннов, а так называемую культуру варварского типа рассматривать как культуру гуннов. Несомненно, что эта культура складывалась на базе разнообразных этнических племен, на базе предшествующих им культурных приобретений. Известно, как древен шнуровой орнамент на керамике, прослеженный здесь в бордюрах золотых и вызолоченных пластинок. Культ птицы чрезвычайно широко был распространен у кочевников и полуномадов. Мы отмечали уже культ птицы в Волго-Камском бассейне, отметим гуннские застежки из бронзы, найденные в Ордосе,³ и аналогии им в застежках клада Петроссы.⁴ Данными явлениями не

¹ Хоуханьшу, гл. 118, л. За—б. Пулэй — оз. Баркуль, Цинь хай, вероятно, Каспийское море, хотя обычно называют так и Средиземное.

² Вэйшу, гл. 102, л. 116. Иероглифы *сэ-люли* 'цветные стекла' могут обозначать и глазурь, стеклянную эмаль. О цветных стеклах и камнях у персов (Босы) см. там же, л. 86. Об этом см.: И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., III, 1851, стр. 166. Ср. вариант перевода: Н. Веселовский. Заметка о стеклянном производстве в Средней Азии. Зап. Вост. отд. Русск. археолог. общ., т. VIII, стр. 137—138.

³ A. Salmony. Sino Siberian Art. Paris, 1933.

⁴ A. Alföldi. Archäologische Spuren der Hunnen. Germania, anp. 1932, № 2.

исчерпывается возможный перечень сопоставлений, который свидетельствует о широком распространении культуры этого типа, порожденном общими условиями происхождения и складывания той среды, где указанная культура возникла. Эти явления настолько ясны, что даже в буржуазной литературе имеются попытки рассматривать происхождение такого типа явлений в связи с одинаковыми условиями развития обществ. Таковы, например, „колебания“ в отношении скифского звериного стиля. Характерны, например, высказывания И. Андерссона, который пытается установить четыре провинции происхождения звериного стиля: Китайскую, Минусинскую, Причерноморскую и Ананьинскую.¹ А. Таллгрэн утверждает, что звериный стиль возникает на определенной ступени хозяйственного развития (*wirtschaftliche Stufe*), охоты или собирательства у различных племен Азии, Европы и Африки.² Несомненно, что и в культуре гуннской эпохи составные этнические компоненты возникли раньше и в различных местах, а факт политического объединения этих племен в гуннской державе был условием, во-первых, пышного расцвета этой культуры, во-вторых, пространственного ее расширения. Не следует забывать роли среднеазиатских племен как активного субъекта, творца указанной культуры. Находки у оз. Борового являются ярчайшей документацией творческого процесса в области материальной и несомненно связаны с местной среднеазиатской культурой, а также с большим политическим подъемом кочевников IV—V вв. н. э. В последней связи и заключается большое историческое и историко-культурное значение находок золотых вещей у оз. Борового.

---

¹ J. Andersson. Der Weg über die Steppen. The Museum of far Eastern Antiquities. Stockholm, 1929, стр. 148—149.

² A. Tallgrenn. Zum Ursprungsgebiet des sogenannten Skythischen Tierstils. Acta Archaeologica, IV, Kobenhavn, 1933, стр. 2—3, 258—269; ср. стр. 263.